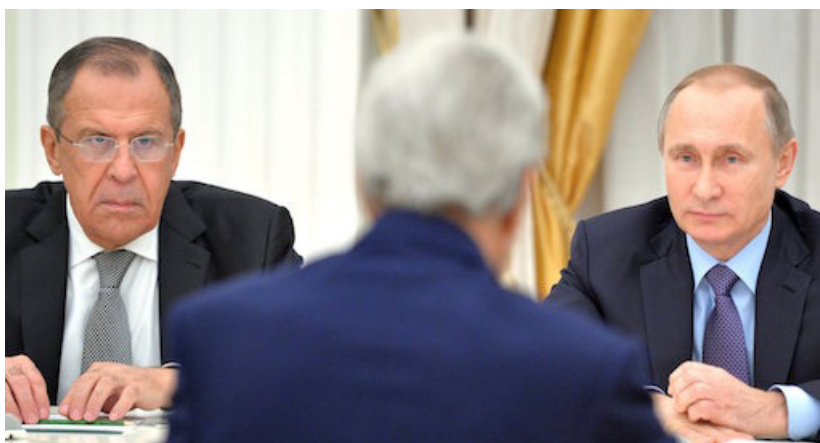

Внешняя политика России при Владимире Путине Авантюризм или реализм?

Бобо ЛО

Июнь 2018

Французский Институт Международных Отношений (Ифри) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, Ифри способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

*Данная статья опубликована в рамках проекта
«Обсерватория России, Южного Кавказа и Восточной Европы» при поддержке
Генеральной Дирекции по Международным Делах и Стратегии (DGRIS)
Министерства Обороны Франции.*

ISBN: 978-2-36567-848-3

© Все права защищены, Ifri, 2018

Прочитать публикацию:

Бобо ЛО, «Внешняя политика России при Владимире Путине: авантюризм или реализм?», *Russie.Nei.Visions*, № 108, Ифри, июнь 2018.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15 – FRANCE

Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00 – Fax : +33 (0)1 40 61 60 60

E-mail : accueil@ifri.org

Веб-сайт : ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Об авторе

Бобо Ло – независимый аналитик и ассоциированный исследователь Центра Россия/ННГ Ифри. Ранее он руководил программами «Китай и Россия» в Центре европейских реформ, а также программой «Россия и Евразия» в Chatham House. Работал заместителем главы миссии в посольстве Австралии в Москве.

Бобо Ло – автор многих публикаций о российской внешней политике. Его последняя монография *A Wary Embrace: What the China-Russia Relationship Means for the World* была опубликована издательством Penguin Random House для Lowy Institute в апреле 2017 года. Его книга *Russia and the New World Disorder* (Brookings and Chatham House, 2015) вошла в шорт-лист премии Пушкинского дома (Лондон) 2016 года. Предыдущая книга *Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics* была названа журналом *Foreign Affairs* «лучшим на сегодняшний день анализом одних из самых важных в мире двусторонних отношений». Среди его статей: «An Accident Waiting to Happen: Trump, Putin, and the US-Russia Relationship» (Lowy Institute Analysis. Октябрь 2017) и «Россия-Китай-Индия: старые треугольники в новом мировом порядке?» (*Russie.NEI.Visions*. Апрель 2017).

Бобо Ло получил степень магистра в Оксфорде и докторскую степень в университете Мельбурна.

Краткое содержание

Годы президентства Владимира Путина ознаменовались заметным акцентом на внешней политике. Если в 1990-е годы Россия оставалась, по сути, региональной державой, сегодня мы становимся свидетелями возрождения её глобальной роли и возвращения её амбиций, сравнимых с эпохой холодной войны. Убеждённость России в собственной значимости в качестве неотъемлемой части нового мирового порядка отражает не только её чувство исторической «избранности», но и возвращение уверенности в собственных силах.

Однако за видимым прогрессом скрываются крупные проблемы. Несмотря на впечатляющую демонстрацию военной мощи на Украине и в Сирии, Россия во многих отношениях остаётся слабой державой. Она не продемонстрировала способности взять на себя лидирующую роль в решении глобальных проблем. Влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе остаётся весьма скромным, тогда как её реальная способность воздействовать на принятие решений Западом сегодня слаба. В традиции *Realpolitik*, которой придерживается внешнеполитический курс Путина, предполагается совместное управление несколькими великими державами классической международной системой, основанной на авторитете государств. Однако в сегодняшнем изменчивом и беспорядочном мире подобные понятия утрачивают адекватность.

Даже если правота Кремля и подпитывается неудачами западных лидеров, России, претендующей на роль глобального игрока в ближайшие десятилетия, потребуется переосмыслить свои позиции. Это переосмысление будет включать переход от чрезмерного упора на военную мощь и политические диверсии к применению более сложных и многосторонних форм влияния, а его успех будет зависеть от масштабной внутренней модернизации как единственной возможности сохранения подлинно самостоятельной внешней политики.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ.....	8
РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ДЕЙСТВИИ	12
Глобальное управление	12
Постсоветское пространство	16
Ближний Восток	19
Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион	22
Россия и Запад	25
Уроки российской внешней политики	30
ПОДВОДЯ ИТОГИ	33
ГЛЯДЯ В БУДУЩЕЕ	37

Введение

За последние 18 лет, под руководством Владимира Путина, произошло существенное развитие российской внешней политики. Придя к власти в январе 2000 года, Путин унаследовал незавидное состояние дел в стране. При его предшественнике Борисе Ельцине, Россия продолжала претендовать на статус глобального игрока¹ и по-прежнему обладала огромным ядерным арсеналом и постоянным местом в Совете Безопасности ООН, но, на самом деле, являлась не более чем региональной державой. То, что считалось внешней политикой России в 1990-е годы, представляло из себя, в основном, смесь риторики, грубого блефа и серьёзного недофинансирования. Сегодня ситуация полностью изменилась. Даже если России по-прежнему не хватает многих возможностей, характеризующих подлинно мирового игрока, её горизонт расширился до глобального уровня одновременно с ростом её амбиций и самоуверенности.

И всё же, за этим прогрессом скрываются не только яркие успехи, но и многочисленные противоречия и серьезные проблемы. Путин восстановил влияние России в тех регионах, где она оказалась маргинализованной, а также продвинул её в качестве независимого центра глобальной силы. Но при этом Москва отдалилась от Запада, фактически превратилась в младшего партнёра Китая и не сумела модернизировать страну. Во многих отношениях Россия осталась державой XX века, которая пытается адаптироваться к реалиям XXI века, продолжая цепляться за устаревшие представления о геополитическом равновесии и дипломатии великих держав.

Анализировать современную российскую внешнюю политику представляется особенно сложной задачей. Недостаточно заявить, как делают многие, что Москва руководствуется чётким пониманием «своих постоянных национальных интересов», поскольку они не только меняются в зависимости от точки зрения, но и само понятие постоянства в мире, переживающем массивные

Переведено с английского Натальей Киселевой-Туле.

1. См., например, обвинение Бориса Ельцина в адрес президента США Билла Клинтона: Заявление Ельцина // Коммерсантъ. 10 декабря 1999. www.kommersant.ru.

и непредсказуемые изменения, вызывает сомнения. Точно так же, банальности относительно полицентричной международной системы, национального суверенитета и «независимой» внешней политики проливают мало света на траекторию России в её усложняющихся отношениях с внешним миром.

В статье рассматривается ландшафт российской внешней политики в критический момент мировой истории. Очевидно, что руководимый США либеральный порядок находится в глубоком кризисе, усиленном – хотя и не вызванном – неожиданной победой Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 году. Также очевидно, что подъём Китая, Индии и других незападных держав приводит к коренным изменениям в международном сообществе. Однако неясно, каким будет новый порядок, если таковой вообще возникнет. Мир находится в состоянии перехода, но к чему? И каковы будут последствия этого перехода для России? Выйдет ли она победительницей из процесса глобальной трансформации, или безнадежно отстанет от тех масштабных изменений, истинное значение которых ей не удастся постичь?

Нынешний международный контекст ставит перед Россией наибольшие за весь период пребывания Путина у власти вызовы, к которым она плохо подготовлена как материально, так и психологически. Успешное осуществление Москвой аннексии Крыма, её решительная военная интервенция в Сирии и ощущение уверенности, сквозящее в публичных выступлениях Путина, маскируют ряд неудобных реалий: мир, который всё больше выходит за рамки национальных границ и традиционного понимания суверенитета, в котором власть и влияние размыты как никогда, и сама природа власти претерпевает большие изменения. Хотя военный потенциал по-прежнему имеет значение, реальными рычагами влияния в XXI веке выступают экономическая мощь, технологическое развитие и моральное лидерство – сферы, где Россия располагает значительным потенциалом, который ей до настоящего времени не удалось реализовать. Для того, чтобы остаться ведущим игроком в долгосрочной перспективе, России потребуется изменить своё понимание того, что значит быть великой державой. Это будет означать переход от чрезмерной опоры на примитивные способы проекции власти, такие как

---

2. Lo B. Russia and the New World Disorder. London and Washington D.C. Chatham House and Brookings Institution Press. 2015. Сс. 242-243.

военная мощь и политические диверсии, к более сложным и многосторонним формам влияния³.

---

3. Хотя Москва часто прибегает к понятию «мягкой власти», её понимание этого термина заметно отличается от западных концепций. Для неё речь идёт не столько о силе убеждения в качестве позитивного примера, сколько об унаследованных от Советского Союза «активных мерах». Эти меры варьируют от противодействия нарративу западных средств массовой информации (СМИ) до более агрессивных действий, направленных против западных институтов и процессов, например, посредством кибератак. Джеймс Шерр использует для описания этого феномена термин «мягкое принуждение». См. *Sherr J. Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad*. London. Chatham House. 2013.

Международный контекст и его значение для России

Определяющей чертой сегодняшнего международного контекста является его изменчивый характер. Возглавляемый США либеральный порядок разваливается на глазах, без видимой перспективы возникновения альтернативной системы. Глобализация, в которой доминирует Запад, со всех сторон подвергается атакам, оставаясь при этом пока главной экономической парадигмой. Наблюдаемая устойчивая деуниверсализация западных демократических норм и ценностей не делает менее «экстравагантными» китайскую модель и другие нормативные стандарты. И если много говорится о многополярности (или «полицентризме»), не существует консенсуса по вопросу о том, что этот термин подразумевает. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, это то, что разъединённость и беспорядочность международной «системы» – если её ещё можно так называть – на сегодняшний день глубже, чем когда-либо в период после окончания второй мировой войны.

Заманчиво было бы обозначить Россию как главного бенефициара подобного контекста, пользующегося вакуумом, возникшим в результате ослабления американского лидерства и сохраняющихся трудностей в Европе⁴. В отличие от Китая, добившегося процветания внутри либерального мирового порядка, Россия воспринимает себя, главным образом, как жертву этого порядка, жестоко эксплуатируемую циничным Западом. Поэтому неудивительно, что возникшие в последнее десятилетие проблемы в США и Европе были встречены в России почти с энтузиазмом. В этом, отчасти, проявилось удовлетворение, с которым Москва наблюдает за тем, как Запад получает наказание за своё так называемое высокомерие, но также и восприятие ею выгоды, которую она может извлечь из сложившейся ситуации, к примеру,

---

4. Karaganov S. Russia's Victory, New Concert of Nations // Russia in Global Affairs. 31 марта 2007. <http://eng.globalaffairs.ru>. См. также: Караганов С. Будущий миропорядок // Российская газета. 8 сентября 2017. <https://rg.ru>.

расширение возможностей для проецирования силы в своём соседстве и продвижения России в качестве одной из ведущих мировых держав.

Тем не менее, распад руководимого США порядка несёт за собой и существенные минусы для России. Во-первых, закат любой системы приносит неопределённость и нестабильность. В идеале, Москва хотела бы как можно скорее прийти к «концерту» великих держав XXI века, в котором США, Китай и Россия, вместе с другими ведущими игроками, управляли бы миром⁵. Однако реализовать подобную идею становится крайне сложно в ситуации нарастающей дисперсии центров власти и выхолащивания международных норм.

Кризис либерального интернационализма, рост влияния Китая и набирающей уверенность в себе Индии, как и само возрождение России, создали особую «нервозность» геополитической среды. Только за последние несколько лет произошёл резкий скачок политической напряжённости с вовлечением крупных держав: между США и Китаем, Китаем и Японией, Китаем и Индией, Индией и Пакистаном, Ираном и Саудовской Аравией, и т.д. Мы также стали свидетелями распространения мятежных тенденций от воинствующих антиглобалистов и ксенофобского национализма до исламистского терроризма, возникновения новых форм конфронтации, таких как кибератаки и так называемая «гибридная война», а также эрозии традиционных режимов безопасности, таких как контроль за стратегическими вооружениями. Увеличилось количество горячих точек и связанных с ними рисков на Корейском полуострове, на Ближнем Востоке, в Южно-Китайском море, на Украине, и этот список можно продолжить. Более того, угроза военного конфликта между двумя (или более) крупными державами, несколько лет назад казавшаяся немыслимой, стала сегодня темой расхожих домыслов⁶.

Традиция реализма, которой придерживается Кремль, основана на идее совместного управления несколькими великими державами классической международной системой государств. Однако мир XXI века бесчисленным количеством образов выходит за пределы национальных границ и влияния великих держав. Глобальные торговые потоки, множественность и вездесущность информации, взрывной рост высоких технологий, ускорение климатических изменений, неконтролируемая миграция, растущий дефицит

---

5. *Ibid.*

6. *Borger J.* Nuclear Risk at Its Highest since Cuban Missile Crisis, Says ex-Energy Secretary // *The Guardian*. 16 февраля 2018. www.theguardian.com.

продовольствия, воды и других ресурсов, деуниверсализация норм и ценностей вносят свой вклад в мировое устройство, которое становится всё более неуправляемым. И хотя ведущие державы сохраняют свою главную роль, представление о том, что они могут каким-то образом навязать особый мировой порядок, является иллюзорным, поскольку они вынуждены сотрудничать не только друг с другом, как сложно бы это ни было, но также с региональными державами, слабыми государствами, как государственными, так и негосударственными структурами, общественными массами (давление снизу-вверх) и международными организациями.

России будет сложнее адаптироваться к этим реалиям, чем многим другим странам. В последние десятилетия она во многом опиралась на постоянное присутствие США в качестве стратегического ориентира, главного «врага»⁷ и партнёра по контролю над вооружениями. Однако подобное мышление не способствует эффективной реакции на окружающую среду с неуловимой природой власти и влияния, и в которой союзники, враги и даже «стратегические партнёры» являются переменными величинами. В этом мире реальным вызовом для Москвы выступает не оспаривание «одностороннего порядка» США и не создание «концерта» великих держав или культурно-языкового «русского мира» на постсоветском пространстве, а поиск оригинальных способов продвижения российских интересов во всё более переполненной, сложной и беспорядочной операционной среде.

Подчёркивание Кремлём своей независимой внешней политики и стратегической гибкости должно быть дополнено процессом внутренней модернизации, обеспечивающим России средства для достижения своих растущих амбиций. С экономикой, в восемь с лишним раз уступающей китайской⁸, Россия не может в долгосрочной перспективе полагаться на свои стратегические и обычные военные возможности или на эффективность «активных мер» по ослаблению тех, кого она считает своими врагами⁹. Вместо этого, она должна развивать потенциал своей мягкой силы в относительно новых для неё сферах, таких как высокие технологии,

---

7. К примеру, Николай Патрушев, секретарь Совета национальной безопасности России (и бывший глава ФСБ) обвинил США в стремлении разными способами развалить Россию и захватить её природные ресурсы. См. U.S. Wants Russia Collapse to Gain Its Resources – Security Council Head // The Moscow Times. 26 июня 2016. <https://themoscowtimes.com>. См. также его интервью в The Guardian. 24 октября 2014. www.theguardian.com.

8. По номинальному значению ВВП. См. База данных мировой экономики МВФ. Апрель 2017. www.imf.org.

9. См. ссылку [3].

продовольственная и водная безопасность, возобновляемые источники энергии и решение конфликтов. Ведь долгосрочная перспектива сохранения её статуса как ведущей державы будет зависеть скорее от переосмысления её вклада в глобальное достояние, чем от способности расстроить чужие планы.

Российская внешняя политика в действии

В основных документах российского правительства, таких как Концепция внешней политики и Концепция национальной безопасности, много говорится о вызовах, стоящих перед Россией в современном мире¹⁰. Однако главная цель этих документов носит декларативный характер: как можно более согласованно (и «стратегически») изложить основные принципы российской внешней политики и обосновать поведение Москвы в международных отношениях. Неудивительно, что в них отражается ситуативный характер большинства принимаемых Кремлём решений. Для того, чтобы понять, как работает российская внешняя политика, следует меньше уделять внимания тому, что сказано, и больше тому, что сделано (или же не сделано).

Глобальное управление

Подход к глобальному управлению основывается на двух ключевых предпосылках. Первая касается вышеупомянутого тезиса о России как глобальном акторе, интересы которого выходят далеко за пределы ближайшего соседства. Это не означает, что Россия (уже) является глобальной державой или обладает глобальным влиянием. Москва декларирует свое право на роль в решении большинства международных вопросов и в глобальном управлении вообще. Убеждённость в том, что Россия должна быть неотъемлемой частью нового мирового порядка отражает историческое понимание «избранности» России – внутренне присущую ей «державность», – а также возрождение её уверенности в себе.

Вторая предпосылка носит более оперативный характер и заключается в постулате о том, что, в период большой неопределённости, Россия должна продолжать придерживаться смешанного подхода к глобальному управлению, сочетающего

---

10. См. Раздел II («Современный мир и внешняя политика Российской Федерации») Концепции внешней политики Российской Федерации. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 1 декабря 2016. www.mid.ru; Раздел II («Россия в современном мире») Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 31 декабря 2015. www.rg.ru.

двустороннее взаимодействие с многосторонней дипломатией. Двусторонние отношения важны прежде всего во взаимодействии с другими великими державами, прежде всего с США и Китаем, но также с Германией, Францией, Японией и Индией. Независимо от того, принимают ли эти взаимодействия форму сотрудничества или конкуренции, они воспринимаются в качестве главной детерминанты современной международной политики¹¹.

Если взаимоотношения с великими державами составляют суть подхода Кремля к глобальному управлению, то многосторонняя дипломатия предоставляет для этого институциональные и нормативные рамки. С точки зрения Москвы, мультилатерализм принимает различные формы. Он предполагает активное участие в давно существующих организациях, таких как Совет Безопасности ООН, наряду с членством в формирующихся структурах, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Это означает взаимодействие с организациями, в которых доминирует Запад – Международный валютный фонд, Всемирный банк, – при одновременной разработке механизмов, таких как БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), де факто исключая западные державы, что позволяет уравновесить участие в глобальных организациях и региональных структурах, к примеру, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Подход Москвы к глобальному управлению призван, прежде всего, максимизировать её стратегическую гибкость и независимость действий. России, имеющей возможность эффективно взаимодействовать со множеством стран и международных организаций, не грозит дипломатическая изоляция или риск чрезмерных обязательств по отношению к той или другой стороне. Она может претендовать на уравнивающую роль, будь то в отдельных регионах, таких как Ближний Восток, или на глобальном уровне, например, между США и Китаем. Активное участие в институтах регионального и глобального управления также помогает России позиционировать себя как ответственного и влиятельного мирового актора, играющего ключевую роль в управлении конфликтами, где бы они ни происходили. Ярким примером этого является активное участие Москвы в Совместном всеобъемлющем плане действий

---

11. *Trenin D.* New World Order. Интервью в *Harvard Political Review*. 15 сентября 2017. <http://harvardpolitics.com>. Также *Sushentsov A.* «Telamons Holding the Sky»: Russian Views on Evolving Global Balance of Power // *Valdai Discussion Club*. 2 мая 2017. <http://valdaiclub.com>.

относительно ядерной программы Ирана (Joint Comprehensive Plan of Action, JCPOA).

Тем не менее, часто подход Кремля к глобальному управлению оказывается не столько последовательной стратегией, сколько смесью инстинктов, призрачных желаний и тактической импровизации. В этом подходе разным организациям отводятся различные уровни значимости, а также подчёркивается тот факт, что мультилатерализм и глобальное управление нужны Москве в первую очередь как способ продвижения национальных интересов.

Этот последний аспект отражён, в частности, в подходе России к двум организациям: «пятёрке» Совета Безопасности (СБ) ООН и БРИКС. Первая воплощает формальное равенство России с США и многополярный мировой порядок, основанный на соглашении великих держав. Таким образом, она представляет собой абсолютный авторитет, в котором решающее значение имеет для России её право вето, позволяющее блокировать любую не устраивающую её политику, проводимую Западом – как в случае с Сирией, – и делать это во имя «международного права», что дает возможность отодвинуть на второй план вопрос о нравственности. Показательно, например, что Индия, крупнейшая мировая демократия, проявляет тенденцию к поддержке формального законничества Москвы против аргументов Запада в пользу гуманитарного вмешательства¹².

Москве довольно безразлична неэффективность Совета Безопасности ООН в урегулировании конфликтов. Отчасти это связано с её убеждённости в том, что решения проблем легче всего достичь на двустороннем уровне или с участием как можно меньшего количества сторон. Но это безразличие свидетельствует также о том, что приоритетом для Кремля является не оперативная эффективность ООН, а российский статус и влияние в этой организации.

Подобный «корыстный» подход также очевиден в отношении к БРИКС. Несмотря на хвалебные речи Москвы в адрес этой рамочной структуры, её достижения остаются в основном символическими. Создание Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов, по-видимому, свидетельствует о зарождающемся интересе БРИКС к конкретным проектам, хотя эти инициативы пока не получают достаточного финансирования¹³. Однако это не имеет

---

12. См. *Pethiyagoda K.* India on Syria – the Rising Power's Position on a Global Conflict // *Huffington Post*. 14 января 2016. www.huffingtonpost.com.

13. Предполагалось, что НБР в течение семи лет получит акционерный капитал в размере 50 млрд. долларов США, состоящий из равных вкладов пяти членов БРИКС. На практике, вложенный капитал составляет всего 10 млрд. долларов США. См. интервью с Лесли

большого значения для Москвы, для которой организация БРИКС важна, прежде всего, как воплощение альтернативного видения глобального управления, в котором Россия занимает центральную позицию, а Западу указано на его место.

Символический смысл наполняет также подход России к основным вопросам глобального управления, от традиционных пунктов повестки, таких как урегулирование международных конфликтов, контроль над стратегическими и обычными вооружениями и энергетическая безопасность, до более «современных» проблем – борьба с терроризмом, климатические изменения, кибер- и информационная война, что сводит позицию Москвы к простой бинарности. Когда она хочет добиться своей цели, она взаимодействует напрямую с заинтересованными сторонами. Поэтому контроль над стратегическими вооружениями остаётся темой двусторонних отношений с США, которую не стоит усложнять многосторонними механизмами. Точно так же, Кремль полагает, что экспорт газа в Европу должен обсуждаться непосредственно со странами-клиентами, а не становиться темой навязчивых правил наднациональных институтов, таких как ЕС со своим «третьим энергетическим пакетом¹⁴.»

Однако, когда реальный прогресс не является приоритетом или даже нежелателен, Москва предпочитает многосторонний путь. Это относится и к вопросам, которые она не воспринимает всерьёз, но по которым считает важным продемонстрировать свою добрую волю, таким как климатические изменения. Москва вовсе не обеспокоена эффектом глобального потепления и даже позитивно оценивает таяние полярных льдов, поскольку оно приближает то время, когда Северный морской путь (СМП) и коммерческое освоение Арктики станут реальностью. Тем не менее, Россия подписала в 2016 году Парижское соглашение по климату. Присоединение к международному консенсусу было полезным для демонстрации России своей позиции в качестве добропорядочного «глобального гражданина». Этот расчёт оказался особенно эффективным в

Маасдорпом, вице-президентом и финансовым директором НБР, в *Guryanova A. The BRICS New Development Bank Outlines Its Major Priorities // Russia Direct. 1 сентября 2016. www.russia-direct.org.*

14. Третий энергетический пакет ЕС, помимо прочих условий, включает правила по «разделению» производства и распределения газа. Не направленный непосредственно против российских компаний, он всё же бросает прямой вызов монополистическим практикам Газпрома в Центральной и Восточной Европе.

контексте последующего заявления Трампа о намерении США выйти из соглашения¹⁵.

Постсоветское пространство

По сути, можно говорить о двух курсах в подходе Кремля к постсоветскому пространству: первый, более конкретный, это двусторонний курс, второй, интеграционный, более призрачный и абстрактный.

Недавние события сыграли на руку Москве в её двусторонних отношениях на постсоветском пространстве. Смерть Ислама Каримова, долго занимавшего пост главы Узбекистана, и назначение на его должность бывшего премьер-министра Шавката Мирзиёева открыли возможность для более стабильного и выгодного взаимодействия с Ташкентом. Военная модернизация Азербайджана и его зависимость от импорта российского оружия вынуждают президента Ильхама Алиева поддерживать хорошие отношения с Кремлём. Сохраняющаяся военная и экономическая зависимость Белоруссии от России делает её податливым, хотя иногда и дерзким партнёром¹⁶. Казахстан при президенте Нурсултане Назарбаеве продолжает оставаться самым надёжным союзником России среди бывших советских республик. В целом, дисфункциональность, уязвимость безопасности и экономическая слабость этих государств (за частичным исключением Казахстана) вынуждают их проводить приемлемую для Москвы политику.

Из этой общей тенденции имеются два значимых исключения: Грузия и Украина. Даже после политической «смерти» бывшего президента Михаила Саакашвили, Грузия последовательно продолжает придерживаться проевропейской линии, несмотря на отсутствие реальных надежд на членство в НАТО или ЕС. Признание Москвой Абхазии и Южной Осетии в качестве суверенных государств составляет существенное препятствие на пути стратегического

---

15. Первого июня 2017 года Трамп объявил о том, что США выйдут из Парижского соглашения по климату. Статья 28 Соглашения предусматривает трёхлетний период отсрочки после его вступления в силу (4 ноября 2016 года) и, после этого, один год уведомительного срока, но потенциально существуют другие механизмы, позволяющие более ранний выход США. См. *Park M. Three Ways Trump Could Dump Paris Climate Change Agreement // CNN. 1 июня 2017. <http://edition.cnn.com>.*

16. Периодические заигрывания президента Белоруссии Александра Лукашенко с ЕС не мешают Минску тесно сотрудничать с Москвой там, где это действительно имеет значение, например, в военных учениях Запад-2017, ставших одними из крупнейших после окончания холодной войны. См. *Schmitt E. Vast exercise demonstrated Russia's growing military prowess // The New York Times. 1 октября 2017. www.nytimes.com.*

сближения с Тбилиси. Тем не менее, учитывая сохраняющуюся уязвимость Грузии и невозможность её вступления в НАТО, Кремль не слишком обеспокоен этим вопросом.

Украина – это совсем другая история, и, возможно, самый большой провал внешней политики Путина. Аннексия Крыма и последующая военная интервенция на юго-востоке Украины привели к безоговорочному разрыву Москвы с Киевом. Действия России не только не остановили интеграцию Украины в европейское пространство, но даже ускорили её. Они также придали новый смысл существованию НАТО, серьёзно испортили отношения России с ключевыми европейскими государствами, в частности, Германией и Францией, дискредитировали интеграционные проекты, такие как ЕАЭС, и усугубили проблемы и без того стагнирующей российской экономики, спровоцировав масштабные западные санкции¹⁷.

Кремль стремится к такому урегулированию на Украине, которое признает присоединение Крыма, позволит России сохранить контроль над Донбассом, а также гарантирует неприсоединение Украины к НАТО (и ЕС), обеспечит Москве долгосрочное политическое влияние на Киев и неявное признание Западом того, что Украина (как и Белоруссия) входит в сферу «привилегированных интересов» России. Однако немногие члены путинской элиты ожидают, что это произойдёт в ближайшее время. Вместо этого, все понимают, что взаимное отчуждение между Москвой и Киевом сохранится надолго, и Украина останется главным источником напряжённости в отношениях России с Западом¹⁸. В этих условиях, цель Кремля носит в основном превентивный характер: если уж Москва «упустила» Украину со своей

---

17. Как отмечает Джеймс Шерр: «Россия практически ничего не добилась за четыре года войны. Она приобрела новых врагов, но не нашла новых друзей». См. *Sherr J. Donbas Peacekeepers Proposal a Classic Putin Gambit*. Chatham House. 16 октября 2017. www.chathamhouse.org. Звучали рассуждения о том, что Путин был «вынужден» аннексировать Крым и вмешаться в ситуацию на юго-востоке Украины, поскольку терпимость к свержению Януковича нанесла бы серьёзный, возможно даже фатальный ущерб его собственному режиму, а также могла подтолкнуть НАТО к захвату базы Черноморского флота России в Севастополе. Эти попытки рационализации совершенно не убедительны. После потрясения, вызванного массовыми протестами 2011-2012 годов, Путин неуклонно консолидировал свой авторитет, который к началу 2013 года был сильным как никогда. Идея о том, что НАТО может взять контроль над базой в Севастополе очевидно абсурдна, не в последнюю очередь по причине связанного с этим явного риска. Гораздо более вероятно, что реальными движущими силами Путина были самолюбие и гордость, как его собственные, так и национальные. «Оскорбление», нанесённое ему еще в 2004 году Оранжевой революцией, способствовало его решительному настрою на демонстрацию силы.

18. См. *Timofeev I. Theses on Russia's Foreign Policy and Global Positioning (2017-2024)* // Centre for Strategic Research and Russian International Affairs Council. Июнь 2017. С. 19. <http://russiancouncil.ru>. Также, см. *Trenin D. Russia's Evolving Grand Eurasia Strategy: Will It Work?* // Carnegie Moscow Center. 20 июля 2017. <http://carnegie.ru>.

орбиты, обеспечить, по меньшей мере, то, чтобы она оставалась слабой и уязвимой для давления со стороны России.

В соответствии с этим подходом, Кремль не планирует восстанавливать Советский Союз ни целиком, ни частично. Он ищет не завоевания, а контроля. В большинстве случаев, он довольствуется тем положением, в котором бывшие советские республики управляются авторитарными режимами, чувствительными – подобно Москве – к риску «заражения» западными демократическими ценностями. Отсюда относительно спокойное отношение Москвы к расширению китайского экономического влияния в Центральной Азии и за её пределами. Хотя, в долгосрочной перспективе, оно и представляет вызов интересам России, Москва выделяет более важные приоритеты: укрепление экономического измерения китайско-российского партнёрства, основываясь на связях в сфере безопасности и политики, а также извлечение выгоды из предполагаемых последствий инициативы Пекина «Один пояс – один путь». Она также признаёт, что Россия не может тягаться с привлекательностью Китая в регионе, когда дело касается торговли и инвестиций.

Эти соображения отражаются в переносе главного интеграционного проекта Кремля с Евразийского экономического союза к Большой Евразии¹⁹. Проект Большой Евразии предвосхищает мировой порядок, в котором главную роль будет играть Китай, а не США, и, поэтому, тесное сотрудничество с Пекином станет наиболее практичным средством сохранения международного положения России. Прошли те времена, когда Москва могла претендовать на роль доминирующего игрока в Евразии. Теперь она вынашивает не столько гегемонистские, сколько контргегемонистские планы. Большее, на что она может надеяться, это своего рода стратегический конкордат и равновесие, в котором лидирующее влияние Китая было бы смягчено значимой ролью других региональных игроков²⁰.

Как и в случае глобального управления, для реализации этой цели Москве придётся использовать все имеющиеся в её распоряжении средства, от расширения двусторонних связей с крупнейшими азиатскими игроками, такими как Япония и Индия, до консолидации региональных многосторонних структур и механизмов. Контргегемонистский импульс помогает объяснить трудность

---

19. Путин объявил о проекте Большой Евразии во время своего пленарного выступления на Петербургском экономическом форуме 17 июня 2016 г. <http://en.kremlin.ru>.

20. *Trenin D.* Russia's Evolving Grand Eurasia Strategy: Will It Work? Op. cit. См. также: *Yefremenko D.* The Birth of a Greater Eurasia // Russia in Global Affairs. 13 февраля 2017. <http://eng.globalaffairs.ru>.

получения членства в ШОС для Индии, Пакистана и, возможно, Ирана, а также сохраняющееся значение таких организаций, как ОДКБ и ЕАЭС. Несмотря на всю неэффективность этих структур, само их существование укрепляет российскую сеть региональных отношений, внося при этом вклад в многополярную стратегическую среду в Евразии.

Подход Путина к постсоветскому пространству не лишён концептуального единства, которое могло бы быть реализовано в более благоприятных условиях. Однако проблема Москвы заключается в том, что нынешние условия не способствуют реализации грандиозных схем. Несмотря на надежды, связанные с проектом Большая Евразия, постсоветское евразийское пространство, скорее всего, станет ещё более разьединённым и неконтролируемым. С ростом напряжённости между азиатскими державами, повышается чувствительность региона к геополитическим конфликтам. Между тем, бывшие советские республики остаются неготовыми к растущему числу вызовов: вопросы политической преемственности и долгосрочной легитимности, экономической устойчивости, исламистского экстремизма и терроризма, а также межэтнической напряжённости. В этой меняющейся среде непосредственным приоритетом Москвы выступает не трансформация континента, а повседневное управление двусторонними отношениями России на постсоветском пространстве, от Белоруссии на западе до Киргизии на востоке.

Ближний Восток

Расхождение между внешнеполитической риторикой и практикой особенно очевидно в отношении Ближнего Востока и, в частности, Сирии. Буквальное прочтение официальных заявлений создаёт впечатление, что Путин неустанно заботится об укреплении безопасности перед лицом угрозы международного терроризма²¹. В этом есть доля истины, учитывая многочисленное мусульманское население России²² и хроническую нестабильность на Северном Кавказе. Но, на самом деле, геополитические приоритеты России намного перевешивают любые проблемы безопасности. Универсальная рубрика «международный терроризм» во многом служит для легитимизации главных целей Москвы: подтвердить

---

21. См. Концепция внешней политики РФ (2016). *Op. cit.*

22. По общепринятым оценкам речь идёт о приблизительно 20 млн. человек или 15% населения. См. *Closed Streets, Sea of People: 200,000+ Muslims Celebrate Eid Al-Fitr in Moscow* // Russia Today. 5 июля 2016. www.rt.com.

возвращение России как ведущей внешней силы на Ближнем Востоке и, благодаря этому, повысить её статус глобального актора²³.

Преследуя свои интересы на Ближнем Востоке, Кремль вынужден поддерживать хрупкий баланс. За годы своего президентства Путину удалось наладить тесное сотрудничество с Израилем, шестая часть населения которого является выходцами из Советского Союза. Он также укрепил партнёрство и с заклятыми врагами Израиля – Ираном и Сирией. В недавнее время произошло некоторое сближение с Саудовской Аравией, чьё растущее соперничество с Ираном представляет одну из самых серьёзных угроз стабильности в регионе²⁴. Кроме того, необходимо учитывать взаимодействие России с Турцией, её важным экономическим партнёром, но также членом НАТО и государством, становящемся при президенте Реджепе Эрдогане всё более националистическим и нестабильным.

Этот контекст требует не столько «великих идей» или военно-политических альянсов, сколько гибкости. Соответственно, Москва предлагает ответ «и нашим, и вашим», представляясь в качестве эффективного и надёжного союзника (для Сирии), ключевого экономического партнёра (для Турции), противовеса Западу (для Ирана), ключевого поставщика оружия (для Сирии, Алжира, Египта, Ирана и Турции), лидера в борьбе с международным терроризмом (для Израиля) и добропорядочного международного «гражданина», играющего жизненно важную роль в сдерживании проявлений напряжённости в регионе²⁵.

Несомненно, Россия имеет на Ближнем Востоке значимые интересы в сферах геополитики, экономики и безопасности. Однако этот регион представляет главный интерес для Москвы в качестве театра глобальной политики. Путин стремится позиционировать Россию как незаменимую силу, само присутствие которой имеет решающее значение для мирового порядка, и в этом смысле для него нет ничего лучше, чем самая резонансная на сегодняшний день мировая проблема, каковой является война в Сирии. В то же время, Путин соотносит свою политику с возможностями России и заботится о том, чтобы не взвалить на себя чрезмерную ношу, например, пытаясь заменить США или соперничать с их влиянием в регионе. Кремль хорошо усвоил исторические уроки имперского излишества и

---

23. *Trenin D. Demands on Russian Foreign Policy and Its Drivers: Looking Out Five Years* // Carnegie Moscow Center. 10 августа 2017. <http://carnegie.ru>.

24. Потепление в отношениях между Саудовской Аравией и Россией отразилось в первом в истории саудовской монархии визите короля Салмана в Москву в октябре 2017 года.

25. См. параграфы 92-96 Концепции внешней политики РФ. www.mid.ru.

втягивания в нескончаемый военный конфликт. Соответственно, он придаёт первостепенное значение политическому урегулированию в Сирии не потому, что желает мира как такового или стремится действовать сообща с Западом в борьбе с «международным терроризмом», а потому, что это даёт ему большие шансы закрепить свои стратегических успехи при минимальных рисках и затратах.

Однако сказать легче, чем сделать. До сих пор Путин использовал слабость западных лидеров, их заблуждения, колебания и хроническую нехватку политической воли, а также разобщённость и дезорганизацию антиасадовской оппозиции. Он также сумел воспользоваться раздробленностью в сфере безопасности и стратегии в регионе, где наблюдается напряжённость между Саудовской Аравией и Ираном, США утратили свой моральный и политический авторитет особенно после отказа от ядерной сделки с Ираном, а европейцы оказались маргинализированными. По контрасту, Россия производит впечатление решительного актора, имеющего чёткие цели и средства для их достижения. При этом осуждение её жёстких методов имеет меньшее значение, чем эффект «страха и трепета», производимый её военной мощью.

Трудность, всё же, заключается в том, что сегодня Путину уже не достаточно игры на чужих ошибках и упущениях. Для сохранения своей вновь обретённой позиции ведущего игрока в регионе, России необходимо взять на себя главную роль в решении долгосрочных вызовов. А большая ответственность влечёт за собой и большую уязвимость, не столько в терминах физической угрозы (к примеру, потери в российских войсках), сколько в подверженности политическим и экономическим рискам. Со временем Россия может подвергнуться оценке по тем же стандартам, что США, а до них Британия и Франция, и в её поведении будет найдено не меньше недостатков.

Сложность этой задачи была хорошо проиллюстрирована в Сирии. Москва относительно успешно организовала зоны деэскалации, в которых конфликт регулируется на основе фактической передачи и разделения полномочий. Хотя это достижение имеет немаловажное значение, оно остаётся временным и ненадёжным в отсутствие более полного политического урегулирования. Но именно в этом России трудно добиться успеха. Ей удалось взять на себя роль посредника в так называемом «астанинском процессе», а также организовать большую

встречу в Сочи²⁶. Однако те же самые слабости, которые раньше она использовала с выгодой для себя – разделённость антиасадовской оппозиции и региональное соперничество между Эр-Риядом, Тегераном и Анкарой, – теперь выступают главными препятствиями для прочного урегулирования, которого она пытается добиться²⁷.

Путин стремится привлечь других игроков в качестве посредников для нового мирного строительства, но сталкивается с большими трудностями, располагая при этом лишь малой долей тех ресурсов, которые были доступны администрации Обамы. Кто будет платить за послевоенное восстановление Сирии и на каких условиях? Способен ли Башар аль-Асад добиться политического согласия, или потребуются принести его в жертву ради общего блага и долгосрочных геополитических интересов России? Может ли Москва продолжать балансировать между Судовской Аравией, Израилем и Ираном? На какой основе может быть решён кризис беженцев? Как предотвратить новую волну исламистского экстремизма и терроризма? Эти сложнейшие вопросы, со всей очевидностью, не зависят от одной только России. Но если она хочет осуществить свою претензию на роль ведущего регионального и глобального актора, ей необходимо найти ответы на них. В противном случае, её новый статус регионального субъекта власти может быть оспорен и разрушен.

Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион

В последние годы резко возросла роль Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в российской внешней политике. Это отражено не только в Концепциях внешней политики и национальной безопасности, но и во впечатляющем числе визитов на высшем уровне, развитии экономических связей, расширении участия России в многосторонних азиатских организациях и стремлении к развитию российского Дальнего Востока. Взаимодействие с АТР принимает большое значение с практической точки зрения. Российские элиты разделяют чёткую убеждённость в том, что будущее России как державы XXI века будет зависеть от качества её взаимоотношений с этим наиболее динамичным регионом мира.

---

26. См. *Meyer H.* Putin Stages Syria Peace Talks Boycotted by Assad Opponents // Bloomberg. 30 января 2018. www.bloomberg.com. *Suchkov M.* Hosting Syria Talks in Sochi Presents Challenges for Russia // Al-Monitor. 17 января 2018. www.al-monitor.com.

27. *Trenin D.* Putin's Plan for Syria // Foreign Affairs. 13 декабря 2017. www.foreignaffairs.com. См. также *Kozhanov N.* Russia in Syria: Life After the Islamic State // Eurasia Daily Monitor. T. 14. № 152. <https://jamestown.org>.

Однако, по не зависящим от нее причинам, Москва сталкивается с трудностями в разработке своей широкомасштабной политики в отношении Азии. Во-первых, в силу роста раздробленности АТР. В дополнение к традиционно сложным отношениям между Китаем и США, растёт напряжённость в сфере стратегии и безопасности между Китаем и Японией и Китаем и Индией, а также на Корейском полуострове. Несмотря на недавние дипломатические шаги между Трампом, лидером Северной Кореи и президентом Южной Кореи, ситуация на Корейском полуострове остается крайне неустойчивой. Хотя на сегодняшний день Москва менее, чем в прошлом, склонна вступать в игру балансов, тем не менее, её попытки взаимодействовать с Азией зачастую воспринимаются в этих терминах.

Развитие китайско-российского партнёрства иллюстрирует сложную задачу, которую необходимо решить Москве. Это партнёрство во многом символизирует успех внешней политики Путина. И хотя разговоры об «авторитарной Антанте» выглядят как преувеличение, Москва и Пекин на сегодняшний день сблизилась более, чем когда-либо в истории их отношений. Они эффективно сотрудничали для того, чтобы помешать попыткам Запада свергнуть Асада. Значительно расширились двусторонние экономические связи²⁸. Военное сотрудничество в форме поставок оружия и проведения совместных учений достигло рекордно высокого уровня. Их взгляды совпадают по многим международным вопросам, от Ирана до Северной Кореи. И несмотря на сохранение значимых различий между двумя странами, Китай превратился в привилегированного партнёра России. Его поддержка критически важна для Москвы в деле создания противовеса «одностороннему подходу» США и нормативному доминированию Запада, а также для увеличения стратегической гибкости России и открытия для неё новых экономических возможностей в АТР²⁹.

Обратной стороной этих активно развивающихся отношений становится предубеждённость, с которой их воспринимают другие азиатские страны. Они полагают, что доминирование Пекина в этих отношениях может заставить Москву занять прокитайскую позицию. Взять, к примеру, инициативу «Один пояс – один путь». Путин надеется разделить экономический успех Пекина через инициативу Большой Евразии, в то время как премьер-министр Индии Нарендра Моди считает эту инициативу еще одним каналом для китайского

---

28. Китайско-российская торговля выросла более, чем в 15 раз: с 5,7 млрд. долларов США в 1999 году до 88 млрд. долларов США в 2012.

29. Всесторонний анализ китайско-российских отношений см. в *Lo B. A Wary Embrace*. Melbourne. Penguin Random House Australia. 2017.

доминирования на евразийском пространстве и серьёзной угрозой для геополитических интересов Индии в Южной и Центральной Азии³⁰. Кроме того, Москва поддерживает позицию Пекина в отношении Пакистана, фактически игнорируя точку зрения Нью-Дели на Исламабад как основного спонсора терроризма в регионе и главную угрозу безопасности Индии³¹.

Не менее очевидна напряжённость в позиции Японии. Токио считает, что китайско-российское партнёрство во многом способствует той уверенности, которую проявляет Пекин в западной части Тихого океана, и утверждает, что Китай, убеждённый в поддержке со стороны России, может действовать там практически безнаказанно³². Токио также сожалеет о том, что Москва следует линии Пекина по Северной Корее, тем самым усугубляя угрозу, которую представляет для Японии разрабатываемая Пхеньяном ядерная программа.

Таким образом, китайско-российское партнёрство влечёт за собой некоторые издержки. Чем теснее эти отношения, тем труднее России развивать связи с другими азиатскими партнёрами³³. Что приводит к более общему тезису о том, что политику России в отношении Азии определяют скорее внешние, чем внутренние факторы. Следовательно, даже если политическую волю Кремля нельзя сбросить со счёта, поведение России в Азии в большей степени определяется проблемами во взаимоотношениях между США и Китаем, кризисом в отношениях самой России с Западом, стратегической напряжённостью между Китаем и Индией, а также враждебностью между Китаем и Японией.

В результате, то, что выдаётся за азиатскую политику, чаще всего является политикой «Китай плюс³⁴». Несмотря на усилия Путина по развитию более тесных связей с Токио, Нью-Дели и столицами государств-членов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), китайско-российское партнёрство остаётся альфой и омегой его подхода к Азии. Никакие маскарады и показательные мероприятия, такие как Восточный экономический форум во Владивостоке, не могут

---

30. См., например, *Indrani B. India Slams China's One Belt One Road initiative, Says It Violates Sovereignty* // The Times of India. 14 мая 2017. <https://timesofindia.indiatimes.com>.

31. Это с наибольшей очевидностью проявилось на саммите БРИКС в Гоа в 2016 году, когда Моди не смог ввести в коммюнике саммита формулировку, осуждающую базирующуюся в Пакистане организацию Джаиш-е-Мухаммад.

32. Эта тема часто возникала в беседах автора с японскими политиками и мыслителями на протяжении многих лет.

33. Примером может служить отношение к конфликту в Южно-Китайском море. Кремль сохраняет формально нейтральную позицию по территориальному вопросу, но яростно выступает против «интернационализации» конфликта западными странами (США) и институтами (Постоянная палата третейского суда в Гааге).

34. *Lo B. A Wary Embrace*. Op. cit. Сс. 58-61

скрыть этой реальности. К сожалению для Москвы, её растущий синоцентризм приводит к ограничению влияния России в АТР. Он также ослабляет её способность формировать китайско-российское партнёрство, которое всё больше осуществляется на условиях Пекина. Включение ЕАЭС в почти мистическое видение «Большой Евразии» представляет собой негласное признание этой ситуации³⁵.

Россия и Запад

Отношения между Россией и США сегодня хуже, чем когда-либо в период после окончания холодной войны. Определение некоторыми аналитиками нынешней ситуации как «новой холодной войны»³⁶, в некотором смысле недооценивает её тяжесть. И хотя вероятность военной конфронтации между Россией и США (и её союзниками по НАТО) остаётся низкой, она всё же поднялась на максимальный для последних трёх десятилетий уровень³⁷.

Одна из главных проблем – отсутствие ясности намерений обеих сторон, усугубляемое острым недоверием и взаимным чувством обиды. Недавние события, такие как вмешательство НАТО в Ливии, гражданская война в Сирии, аннексия Россией Крыма и вторжение на юго-восток Украины, вмешательство Москвы в президентские выборы в США в 2016 году, привели к разрушению даже гипотетической основы для «нормальных» отношений между Москвой и Вашингтоном. Президентство Трампа, на которое возлагались надежды о возможном потеплении в отношениях, наоборот, привело к эскалации напряжённости. Политика США в отношении России – по санкциям, Украине, НАТО, противоракетной обороне, контролю над

---

35. В мае 2015 года, Россия и Китай подписали соглашение о координации работы ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (ЭППШП), входящего в проект «Один пояс – один путь». Однако это политическое обязательство не привело к каким бы то ни было практическим результатам. Из 40 полученных предложений по проектам, предполагающим осуществление транспортных связей Китая с Европой через пространство ЕАЭС, Пекин до сих пор не одобрил ни одного. См. *Gabuev A. Belt and Road to where? // Carnegie Moscow Center. 8 декабря 2017. <http://carnegie.ru>*.

36. Этот термин был впервые использован Эдвардом Лукасом в опубликованной им в 2008 году книге «The New Cold War». Затем его подхватили многие западные и российские комментаторы. См., например, *Legvold R. Managing the New Cold War: What Moscow and Washington Can Learn From the Last One // Foreign Affairs. Июль/Август 2014. www.foreignaffairs.com*.

37. Эти риски были выдвинуты на первый план ударами США в регионе Дейр-эз-Зор в восточной Сирии, в результате которых могли погибнуть до 200 граждан России (наёмников). См. *Borger J. Bennetts M. Scores of Russian Mercenaries Killed by US Airstrikes in Syria // The Guardian. 13 февраля 2018. www.theguardian.com*.

вооружениями – значительно ужесточилась³⁸. В последней версии Стратегии национальной безопасности (NSS) США Россия (наряду с Китаем) открыто квалифицируется как ревизионистская держава, целью которой является «ослабить влияние США в мире и разделить нас с нашими союзниками и партнёрами³⁹». Стратегия национальной обороны США (NDS) предлагает ещё более резкую оценку: «Центральным вызовом процветанию и безопасности США является *возрождение ревизионистскими державами долгосрочного стратегического соперничества*⁴⁰». Иными словами, с точки зрения США, Россия и Китай представляют более фундаментальную угрозу американским интересам, чем исламистский терроризм и Северная Корея.

Москва и Вашингтон неоднократно заявляли о сотрудничестве в борьбе против «международного терроризма». Однако, учитывая различное понимание сторонами того, что подразумевается под этим термином, возможности этого сотрудничества оказываются весьма ограниченными. Обе стороны проявляют очевидный интерес к сохранению существующих рамочных договоров о контроле над вооружениями: расширении к 2026 году Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) и сохранении Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД)⁴¹. Тем не менее, перспективы в этой сфере выглядят мрачно, так как правительство США обвиняет Россию в нарушении обязательств по РСМД⁴², в то время как развёртывание американских систем противоракетной обороны (ПРО) в Польше и Румынии остаётся серьёзной проблемой для Москвы.

---

38. Lo B. An accident waiting to happen – Trump, Putin, and the US-Russia relationship // Lowy Institute Analysis. 25 октября 2017. www.lowyinstitute.org.

39. National Security Strategy of the United States of America. Декабрь 2017. С. 25. www.whitehouse.gov.

40. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. С. 2. www.defense.gov.

41. Договор СНВ (Договор о сокращении стратегических вооружений) был подписан Путиным и Обамой в 2010 году и ратифицирован годом позже. Он ограничивает количество развёрнутых стратегических ядерных боеголовок до 1550 для каждой стороны. Он действителен в течение десяти лет после вступления в силу (то есть до 2021 года), после чего может быть продлён (или нет) ещё на пять лет. Договор РСМД (Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности) был подписан Рейганом и Горбачёвым в 1987 году. Он запрещает России и США обладать ядерными и обычными ракетами короткого (500-1000 км) и среднего (1000-5500) радиусов действия, а также их пусковыми установками.

42. Gordon M. Russia Deploys Missile, Violating Treaty and Challenging Trump // The New York Times. 14 февраля 2017. www.nytimes.com. Речь идёт о ракете 9M729 GLCM (крылатая ракета наземного базирования), которая, по заявлениям Вашингтона, имеет дальность полёта более 500 км. Более подробный анализ этого конфликта см. в Pifer S. The Future of the INF Treaty. Testimony to the European Parliament's Subcommittee on Security and Defence. Brookings. 25 января 2018. www.brookings.edu.

В последнее десятилетие Москва предпринимала последовательные усилия по дестабилизации трансатлантического союза, играя на разногласиях между Вашингтоном и ведущими европейскими столицами. Однако результаты её усилий не увенчались ожидаемым успехом. Надежды Кремля на возможное разрушение консенсуса по трансатлантической безопасности не сбылись, и даже наметилось обратное движение. Приверженность канцлера Германии Ангелы Меркель идее Европы, с центральной ролью Евросоюза и опорой на систему правовых норм, а также убедительная победа Эмманюэля Макрона на президентских выборах во Франции в 2017 году, свидетельствуют о том, что, в отношениях с Москвой, европейцы становятся более решительными и уверенными в себе. Перспектива скорого смягчения санкций со стороны ЕС выглядит призрачной.

Столкнувшись с этими реалиями, Путин сменил тактику. В отношениях с Вашингтоном, открытая конфронтационная линия, которой Москва придерживалась в последние годы президентства Обамы, уступила место более нюансированному подходу, учитывающему подспудное понимание слабости президента Трампа, который, несмотря на свои громкие заявления, располагает лишь минимальной возможностью пойти на какие-либо уступки России. В таком случае, Москве выгоднее подождать развития событий, поддерживая ожидания на низком уровне, подчёркивая (весьма немногочисленные) позитивные моменты отношений и сотрудничая там, где это возможно, например, в урегулировании сирийского конфликта. Эта тактика подтвердилась тем вниманием, которое уделил Кремль организации встреч между Путиным и Трампом в кулуарах саммита «большой восьмёрки» в Гамбурге в июле 2017 года⁴³, а также, спустя несколько месяцев, на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во вьетнамском Дананге⁴⁴. Недавно, в январе 2018 года, беспрецедентный визит руководителей трёх российских разведывательных ведомств в

---

43. Кремль высоко, хотя и без излишнего восторга, оценил атмосферу этих встреч. Он приветствовал соглашение о создании «бесконфликтных зон» на юге Сирии, а также решение о создании совместных рамок кибербезопасности. При этом он спокойно отреагировал на провал этой последней инициативы.

44. Несмотря на то, что в Дананге не состоялась официальная двусторонняя встреча Трампа и Путина, между двумя президентами произошло несколько кратких, но тёплых контактов. См. *Merica D.* Trump, Putin Shake Hands, Chat Multiple times at Asia-Pacific Summit // CNN. 11 ноября 2017. <http://edition.cnn.com>.

Вашингтон подтвердил сохраняющееся усилие по созданию конструктивной динамики⁴⁵.

Поведение Москвы по отношению к Белому дому Трампа призвано продемонстрировать умеренность и рациональность позиции России. Однако за этими тактическими соображениями кроется и стратегическая цель, вытекающая из понимания того, что даже дисфункциональная Америка, несмотря на подъём Китая, остаётся наиболее мощной и влиятельной мировой державой. Поэтому России необходимо найти способ сосуществования с ней и избежать конфронтации, способной привести к катастрофическим последствиям⁴⁶. Подобная логика напоминает «мирное сосуществование» хрущёвской эпохи, за исключением большей амбициозности подхода Путина. Он выходит за рамки того, что один из аналитиков назвал «стратегическим сдерживанием⁴⁷», и предусматривает глобальное равновесие, в котором США, Россия, Китай и другие ведущие игроки (Индия, Япония, Германия, Франция) действуют в рамках фактического «концерта».

Большая сдержанность проявляется и в поведении Москвы в отношении Европы. Несмотря на предпринятые ранее попытки вмешательства в выборы в разных странах, в частности, в Нидерландах и во Франции, Москва меняет позицию и возвращается от открытой поддержки европейских крайне правых партий к взаимодействию с политическим мейнстримом в ключевых странах, таких как Германия и Франция⁴⁸. Приглашение президента Макрона в качестве почетного гостя на Петербургский международный экономический форум в мае 2018 года свидетельствовало о возвращении определенного прагматизма. Этот сдвиг объясняется осознанием пределов возможностей российского влияния и необходимостью приспособиться к новым реалиям.

---

45. Frolov V. Why the Directors of Russia's Intelligence Agencies Visited Washington // The Moscow Times. 8 февраля 2018. <https://themoscowtimes.com>.

46. Осторожность Кремля была проиллюстрирована в феврале 2018 года его сдержанным ответом на американские воздушные удары в регионе Дейр-эз-Зор, приведшие к гибели значительного числа граждан России. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков изначально отверг любую информацию о том, что Кремлю было известно об инциденте, и предостерег от ложных заявлений в прессе. См. Moscow Won't Acknowledge the Deaths of Russian Mercenaries in US Airstrikes on Syrian Targets, but the Evidence is Mounting // Meduza. 14 февраля 2018. <https://meduza.io>.

47. Timofeev I. Russia and NATO: A Paradoxical Crisis // Valdai Discussion Club. 26 июня 2017. <http://valdaiclub.com>.

48. В этой связи, визит Путина в Париж в мае 2017 года стал предвестником нового подхода Кремля.

Однако изменение Кремлём своего *modus operandi* не означает изменения его более широких целей в Европе, главная из которых носит геополитический характер: вернуть России центральную роль на континенте. Она должна стать одним из нескольких ключевых игроков, наряду с Германией и Францией, чьи решения имеют наибольшее влияние на управление в политической сфере и в сфере безопасности. Она должна также приобрести своего рода право контроля в своём западном соседстве, прежде всего по отношению к Украине и Белоруссии.

В целом, путинская элита реалистично воспринимает нынешнее состояние и будущие перспективы отношений России с Западом. Она признаёт, что, несмотря на феномен Трампа, США останутся доминирующим военным игроком в Европе, трансатлантический альянс не разрушится, и Евросоюз продолжит существовать в обозримом будущем. В то же время, она видит возможности для активизации двусторонних отношений. Например, в энергетической сфере основное внимание уделяется таким проектам, как Северный поток 2, в обход, насколько это возможно, ограничений Третьего энергетического пакета ЕС с его принципом разделения на рынке энергопоставок⁴⁹. В политической сфере речь идёт о сотрудничестве с Берлином и Парижем в поисках урегулирования конфликта на Украине и смягчения последствий санкций ЕС. Тем не менее, этот прагматизм имеет свои пределы. Подозрения Москвы в причастности к отравлению Сергея и Юлии Скрипал на британской земле привели в ответ к усилению западного единства.

Важно подчеркнуть, каких намерений в отношении Европы у России не имеется. Вопреки опасениям некоторых западных политиков, не существует никаких доказательств желания Путина вернуть господство Москвы над странами Балтии. Даже аннексия обособленной, населённой этническими русскими, территории, каковой является Крым, оказалась делом сложным и дорогостоящим. Трудности выросли бы экспоненциально в отношении к балтийским государствам – членам НАТО, защищённым статьёй 5 Североатлантического Договора⁵⁰. Хотя новые вторжения на чужую территорию не могут быть полностью исключены, они остаются весьма маловероятными. Так, главной целью военных учений Запад-2017 была не столько репетиция вероятного военного сценария, сколько

---

49. См. ссылку [14].

50. В соответствии со статьёй V Североатлантического договора, «вооружённое нападение на одного или более [государств-членов НАТО] в Европе или Северной Америке считается нападением на всех».

усиление психологического рычага давления России. Сохранение дискомфортной ситуации для Польши и стран Балтии желательно как само по себе, так и с целью проверки солидарности НАТО в напряжённых ситуациях⁵¹.

Уроки российской внешней политики

Можно сделать несколько выводов о внешнеполитическом курсе Путина. Во-первых, он носит принципиально реактивный характер. Несмотря на большие идеи, содержащиеся в фундаментальных политических документах правительства, такие как «полицентричная система международных отношений» и «Большая Евразия», в реальности, принятие решений обуславливается непредвиденными событиями, к примеру, украинской революцией на Майдане, а также такими крупными внешними трендами, как глобальный рост Китая.

Во-вторых, российская внешняя политика подвержена различного рода политическому и экономическому давлению. Так, акцент, который с 2011-2012 годов делает Путин на «национально-патриотических» темах, во многом связан с необходимостью укрепления собственной легитимности среди населения в период серьёзного экономического спада в России⁵². В подобных случаях, внутреннее давление может помешать выбору более «рациональных» внешнеполитических решений и изменить прежние намерения.

Эти обстоятельства не должны привести к недооценке долгосрочных структурных факторов. Исторический опыт, географические реалии и стратегическая и политическая культура служат основами «обучения» правящей элиты и окрашивают все аспекты её взаимодействия с внешним миром⁵³. Измышления о сугубо прагматичных действиях Москвы, лишённых идеологической подоплёки, должны быть отброшены как своекорыстные уловки. Установки и предубеждения имеют значение, даже если они не всегда превращаются в конкретные политические действия.

---

51. См. *Sushentsov A. Zapad Wargames and Living in Uncertainty // Valdai Discussion Club*. 29 Сентября 2017. <http://valdaiclub.com>.

52. Российская экономика с 2011 года переживала затяжное замедление, а в 2015 году вступила в рецессию. С тех пор произошло некоторое восстановление, но ожидаемый темп роста в 2017 году составил лишь 1,5%, и этот скромный уровень, как ожидается, не будет значительно увеличиваться в течение ближайших нескольких лет. См. *Connolly R. Stagnation and change in the Russian economy // Russian Analytical Digest*. № 213. Center for Security Studies. 7 февраля 2018. Сс. 5-8. www.css.ethz.ch.

53. Более подробные сведения о структурных факторах, определяющих внешнюю политику России, см. в *Lo B. Russia and the New World Disorder*. Op. cit. Сс. 13-22.

Тем не менее, значимость принципов и атавистических инстинктов не мешает их подверженности постоянным модификациям в зависимости от обстоятельств и потребностей. Российское руководство при Путине отводит первостепенное значение гибкости целей, средств и коммуникации. Таким образом, неизменная приверженность идее о «великодержавности» России принимает форму добропорядочного международного «гражданина»: вклад в глобальные усилия по борьбе с терроризмом, настаивание на мирных способах разрешения кризисов, как в случае с Ираном и Северной Кореей, поддержка ООН как основы справедливого глобального управления⁵⁴. На постсоветском пространстве, оппортунизм (и приспособляемость) Кремля отражается в переходе от относительно «закрытого общества» Евразийского экономического союза к более инклюзивной концепции Большой Евразии. В Сирии, Москва стремится закрепить свои достижения – возрождающуюся роль на Ближнем Востоке и подчёркивание своего глобального профиля, – но признаёт, что этого невозможно достичь одним лишь военным путём или слишком тесным привязыванием российских интересов к судьбе режима Асада. Она отдаёт себе отчёт в необходимости дипломатического процесса и политического урегулирования, какими бы они ни были непрочными.

Гибкий подход Москвы служит ответом не только на требования беспорядочного мира, но и на ограниченные возможности самой России. Теоретически она располагает множеством инструментов для проецирования власти и влияния. На практике, они оказываются весьма немногочисленными и ограниченными. К примеру, огромный стратегический ядерный потенциал на сегодняшний день не имеет того геополитического веса, каким он обладал во времена холодной войны. Военная мощь России оказалась бесполезной для предотвращения политической «потери» Украины. Наоборот, операционные военные успехи России лишь ускорили эту потерю. Множество комментариев было сделано относительно использования Кремлём так называемой «гибридной войны» и её роли в дискредитации западных демократий от США до Восточной Европы. Однако это влияние также было преувеличено. Трамп победил на президентских выборах 2016 года в США не по причине вмешательства России, а потому, что сумел сыграть на глубоком чувстве разочарования большинства американцев (в том числе, среди

---

54. Концепция внешней политики России от 2016 года подчёркивает «центральную и координирующую роль, которую играет ООН в качестве ключевой организации, отвечающей за регулирование международных отношений».

сторонников демократов) и воспользоваться катастрофической кампанией Хилари Клинтон. В Нидерландах и во Франции российские агенты прилагали огромные усилия по продвижению крайне правых партий в ущерб политическому мейнстриму, но потерпели крупную неудачу.

Подводя итоги

Внешняя политика Путина во многом успешна. За время его президентства, Россия превратилась из падшей сверхдержавы, чьи требования о равном статусе вызывали насмешку, в значимого игрока, которого все воспринимают всерьёз. Некоторые страны, такие как Китай, видят в ней своего «стратегического» партнёра. Другие, преимущественно на Западе, рассматривают её как серьёзную угрозу международной безопасности и стабильности. Однако не подлежит сомнению тот факт, что теперь все без исключения страны корректируют свою внешнюю политику с учётом меняющегося профиля России на мировой арене. И это то, чем может гордиться как путинская элита, так и российское население в целом.

Путину также удалось продемонстрировать свою целеустремлённость в то время, когда внешняя политика многих западных держав находилась в состоянии растерянности. Ещё до того, как Трамп обосновался в Белом доме, администрация Обамы стала синонимом нерешительности США. Проволочки Обамы, в частности, его отказ от выполнения множественных ультиматумов в адрес режима Асада в Сирии⁵⁵, очистили путь для российской военной интервенции в сентябре 2015 года. Путин доказал, что не боится действовать решительно в защиту российских интересов, создав, таким образом, легенду об умелом лидере, заткнувшем за пояс незадачливых западных коллег.

И этот контраст сегодня стал ещё более резким. В сравнении с хаосом в Вашингтоне, вызванным несостоятельностью президента, самоубийственным решением о «Брекзите», подорвавшем статус Великобритании как серьёзного международного игрока, а также сохраняющейся напряжённостью внутри Евросоюза, российская внешняя политика выглядит впечатляюще. В условиях, когда немногие лидеры проявляют способность к стратегическому

---

55. В частности, «красная линия», обозначенная Обамой в августе 2012 года не помешала ему, годом позже, когда режим Асада провёл химическую атаку против своего населения в Гуте, недалеко от Дамаска, переложить ответственность на Конгресс. По различным причинам, в том числе в силу явной политической ангажированности, последний отказался поддержать военное вмешательство. Скорее всего, Обама никогда серьёзно не рассматривал возможность военных действий, а искал способ отказаться от принятого на себя ранее обязательства. См. Kessler G. President Obama and the «Red Line» on Syria's Chemical Weapons // The Washington Post. 6 сентября 2013. www.washingtonpost.com.

мышлению, а правительства регулярно сталкиваются с кризисами, решительная тактика Путина резко отличает его от большинства своих коллег.

Другим успехом внешней политики Путина стала общественная поддержка его «мема» о возрождающейся России, особенно важная в тот момент, когда прежний «социальный контракт» – материальное благополучие в обмен на политическую поддержку – стал разрушаться. Личные рейтинги Путина резко подскочили после аннексии Крыма и введения западных санкций: чем больше Путин подвергается атакам Запада, тем более популярным он становится в своей стране⁵⁶.

Однако многие из сильных сторон внешней политики Путина, в некоторой степени, являются и её слабыми местами. Так, его склонность к тактическим «ударам» приводит к диспропорциональному увлечению краткосрочными выигрышами и великодержавным тщеславием, в ущерб долгосрочным целям. Хорошо иллюстрирует это противоречие тактически успешная, но стратегически саморазрушительная реакция Кремля на украинский кризис 2013-2014 годов. Она также демонстрирует ограниченность российской мощи, даже в собственном соседстве. Москва способна запугать, но ей ещё только предстоит создать себе положительный, привлекательный имидж. В этой связи, поучителен контраст с недавним опытом Китая в Евразии. Ведь активная поддержка Путина Большой Евразии свидетельствует о негласном признании того, что Россия мало чего может добиться в этом регионе без поддержки Пекина как *экономической* великой державы.

Кроме того, тактическая внезапность по своей природе хрупка и изменчива. До 2017 года, Кремль мог рассчитывать на нерешительность администрации Обамы и страхи европейцев. Недостатки российской мощи перевешивались способностью Путина проявлять большие целеустремлённость, ловкость и решительность, чем его западные оппоненты. Это позволило ему расширить границы риска, о чём свидетельствует военное вмешательство в Сирии. Однако подобная самонадеянность становится теперь небезопасной. Непредсказуемость Трампа и эскалация антироссийских настроений в Вашингтоне подрывают расчёты Кремля, ранее представлявшиеся

---

56. Хотя результаты опросов всегда следует воспринимать критически, они свидетельствуют о том, что поддержка Путина стабилизировалась на уровне 80% и выше. См. www.levada.ru.

благоприятными⁵⁷. Они увеличивают вероятность непросчитанных им военных действий со стороны США, таких как ракетный удар по сирийской базе в Эль-Шайрате в апреле 2017 года или совместные бомбардировки США, Великобритании и Франции после химических атак в Сирии в апреле 2018 года⁵⁸. Хотя последствия подобных действий были ограничены, ситуация может оказаться намного менее управляемой в случае начала Вашингтоном военных действий против Северной Кореи или Ирана, или проведения более агрессивной линии против Пекина в области торговой политики или в Южно-Китайском море. В подобных обстоятельствах, тактическое «умение» Москвы вряд ли может с успехом заменить более стратегический подход.

С другой стороны, Путин сталкивается с проблемой формальных обстоятельств. Несмотря на всю демонстрацию Россией своей военной силы, она во многих отношениях остаётся слабой державой. Размер её экономики примерно соответствует экономике Австралии, тогда как её население в шесть раз больше⁵⁹. По сравнению с большинством западных стран и, во всё большей степени, по сравнению с такими развивающимися державами как Китай и Индия, Россия представляет технологическое отставание. Несмотря на высокий уровень грамотности, её университеты занимают низкие позиции в мировых рейтингах⁶⁰, а многие из её лучших умов работают за рубежом. Восприятие России за рубежом в целом неблагоприятно,

---

57. См. *Shevtsova L.* Survival in the Trumpian World // The American Interest. 22 февраля 2017. www.the-american-interest.com; также, *Barbashin A.* A Sober View of the Putin-Trump «Bromance» // Intersection. 12 июля 2017. <http://intersectionproject.eu>.

58. Седьмого апреля 2017 года, USS Ross и USS Porter запустили 59 Томагавков по сирийской правительственной базе Шайрат вблизи Хомса в ответ на химическую атаку в посёлке Хан Шайкун несколькими днями раньше. Практический эффект ракетных ударов был ограничен, не в последнюю очередь потому, что Вашингтон позаботился о том, чтобы заранее уведомить Россию, поэтому многие из базировавшихся там самолётов (а также российский военный персонал) были перемещены в более безопасные места. Год спустя совместные удары США, Великобритании и Франции нанесли серьёзный ущерб сирийским объектам, связанным с химическим оружием. Но даже это комплексное действие тщательно контролировалось, чтобы избежать какой-либо непреднамеренной эскалации, вызванной возможными российскими жертвами.

59. По номинальному значению ВВП. См. База данных мировой экономики МВФ. Апрель 2017. www.imf.org.

60. МГУ им. Ломоносова – единственный российский университет, входящих в топ-300 рейтинга Times высших учебных заведений в мире (188-ое место). См. World University Rankings 2016-2017. www.timeshighereducation.com. МГУ занимает более высокую позицию в других списках: 93-е в Шанхайском академическом рейтинге мировых университетов мира ARWU и 95-е в QS World University Rankings. Примечательно, что лишь в этом последнем рейтинге в топ-300 входят другие российские вузы: СПбГУ 240-е место, Новосибирский государственный университет 250-е и Московский технический университет им. Баумана 291-е.

как на Западе, так и в незападных странах⁶¹. Россия не продемонстрировала ни способности, ни желания занять лидирующее положение по глобальным проблемам XXI века, таким как борьба с климатическими изменениями. На протяжении долгого времени наблюдается спад её влияния на постсоветском пространстве, в то время как её успехи в Азии остаются весьма скромными. Если Москва способна вызвать беспокойство у западных правительств, ей как никогда трудно добиться от них решений в свою пользу. Недостатки из этого длинного списка тем более серьёзны, что в современном мире Россия конкурирует не только с Западом, а с постоянно растущим числом игроков.

---

61. См. *Vice M. Publics Worldwide Unfavorable toward Putin, Russia* // Pew Global Attitudes Survey. 16 августа 2017. www.pewglobal.org. Существуют некоторые значимые исключения: Китай (любопытно, что в нём не проводилось опросов), Вьетнам (79% за Путина, 9% против), Филиппины (54-24), Греция (50-45), Италия (29-13, хотя тот факт, что более половины респондентов не высказали никакого мнения, означает, скорее, безразличие). Несколько стран, проявивших симпатию к Москве, показали неблагоприятные результаты: Венесуэла (22-65), Бразилия (19-60), Турция (20-74), Израиль (28-69). Общая медиана соответствует значениям 26-60.

Глядя в будущее

В краткосрочный период, перспектива существенного изменения российской внешней политики весьма слаба. Путин выглядит убеждённым в своём сокрушительном успехе, измеряющемся наиболее важными для него критериями. Россия становится всё более значимым участником как региональных, так и глобальных процессов. Ей удалось изменить баланс своих взаимоотношений с Западом. Внешнеполитический курс Путина находит массовую поддержку внутри страны, а возрождающийся русский национализм, основанный на утверждении «традиционных духовных и моральных ценностей», служит одним из столпов легитимности режима. В мире изменчивых международных иерархий, норм и институтов, российская внешняя политика воспринимается как одна из немногих относительных констант.

Вероятность перемен ещё больше снижается в силу отсутствия вариантов. Путин мог бы попытаться трансформировать страну путём общей модернизации. Но на этот процесс уйдут десятилетия (если это вообще произойдёт), и отдача от него может проявиться не сразу. Важно и то, что крупномасштабная модернизация может повлечь за собой революцию в системе политических отношений и управления, чреватую риском для сохранения режима. Перед лицом столь пугающего выбора, неудивительно, что Путин стремится, в первую очередь, к эффективным и сиюминутным действиям как во внешней, так и во внутренней политике. Глядя через эту призму, модернизация российских стратегических и обычных военных мощностей, возрождение в обществе милитаристских традиций и демонстрация военной силы на Украине и в Сирии «имеют смысл».

В более отдалённой перспективе, наиболее вероятным сценарием для российской внешней политики является преемственность. После выборов марта 2018 года, Путин останется доминирующей политической фигурой в России ещё несколько лет, в качестве президента или своего рода «отца нации», подобно статусу Дэн Сяопина в Китае в его последние годы⁶². Состав ближайшего окружения Путина, скорее всего, претерпит некоторые изменения – и

---

62. Другие возможные параллели – Ли Куан Ю и аятолла Хомейни – или своеобразная амальгама всех трёх лидеров.

эти процессы уже идут,⁶³ – но коллективный образ мыслей по отношению к внешнему миру останется практически неизменным. Можно ожидать регулярных подтверждений со стороны России своего статуса как независимого центра глобальной силы, акцент на стратегическую гибкость и частые «неожиданные» выпады, как для реализации конкретных целей, так и в качестве рациональной операционной практики вывода противника из состояния равновесия.

Москва будет стремиться к сотрудничеству с Западом, но на выборочной и деловой основе, отдавая приоритет торговле, внутренним инвестициям и передаче технологий. Она будет преследовать цель создания «стратегического партнёрства» с Китаем, на двусторонней основе и через такие проекты как Большая Евразия, надеясь при этом свести к минимуму свою зависимость от него. Политика по отношению к постсоветскому пространству останется в основном превентивной. Евразийская интеграция останется прописанной, если можно так сказать, в уставных документах, при этом Кремль сосредоточится на укреплении авторитарных режимов на постсоветском пространстве, противодействуя либеральным влияниям (внешним и внутренним) и сохраняя тесные связи с правящими элитами в ключевых государствах, таких как Казахстан, Белоруссия и, возможно, Узбекистан. Не будут ослаблены и усилия по сохранению слабости Украины.

Со временем, необходимость глубинной модернизации может стать неизбежной если не для самого Путина, то для представителей правящего круга. Это может произойти в результате растущего экономического прессинга, народного недовольства или осознания того, что дальше так продолжаться не может⁶⁴. Если процесс преобразований пройдёт относительно гладко (что маловероятно), тогда их влияние на внешнюю политику будет ограниченным. Основные принципы останутся прежними, хотя методы взаимодействия России с западными странами и организациями могут стать более спокойными, поскольку режим будет в большей степени

---

63. В августе 2016 года, Путин сменил главу Администрации президента: его давний соратник Сергей Иванов уступил место гораздо более молодому (44 года) и малоизвестному Антону Вайно. См. *Putin Gets New Right-Hand Man as Chief of Staff Exits* // Reuters. 12 августа 2016. www.reuters.com. Путин также сделал ряд замен губернаторов регионов. См. *String of Changes in Governor Hits Russian Regions as Elections Approach* // RT. 28 сентября 2017. www.rt.com.

64. Что можно сравнить с осознанием в конце 1980-х годов членами Политбюро атрофирования советской командно-административной системы и острой необходимости реформ. Однако это осознание не привело к пониманию того, какие конкретные меры необходимо было предпринять. См. *Service R. The End of the Cold War*. Basingstoke. Pan Macmillan. 2015. Сс. 53-64.

сконцентрирован на приоритетах внутренней реформы. Россия сохранит значительную международную ангажированность, особенно в таких стратегических сферах, как постсоветское пространство, Восточная Европа, Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом уменьшится демонстрация силы как самоцель.

Хотя на сегодняшний день не наблюдается признаков угрозы краха режима Путина, было бы неразумно исключить эту возможность. Быстрый распад казавшегося прочным Советского Союза служит предупреждением для тех, кто имеет тенденцию к самоуспокоению. Похожее сочетание экономических трудностей, потери доверия режиму со стороны населения, национализма и внешнего давления может привести к разрушению путинизма. Главный вопрос заключается не в том, возможен ли такой сценарий, а в том, что может прийти на смену нынешней системе.

Одним из последствий может стать возникновение жёсткого националистического режима, сочетающего внутреннюю ксенофобию с агрессивной внешней политикой, не только по отношению к Западу, но и к Китаю, а также к любому, кого можно было бы заподозрить в подрыве позиций России в мире. Этот режим был бы аналогичен феномену Трампа в США, только в худшем варианте, по причине отсутствия в России той институциональной (и иной) системы контроля и противовесов, которой в США пока удаётся смягчать эксцессы Белого дома.

Этот сценарий зачастую выдвигается аналитиками, утверждающими, что именно Путин олицетворяет надежду на стабильное, основанное на сотрудничестве, взаимодействие с Западом⁶⁵. Наиболее вероятно, что ультранационалистическое руководство могло бы взять власть в России в условиях острой политической неопределённости, экономического кризиса и социального брожения. Недееспособное государство будет вести себя скорее инстинктивно, чем прагматично, что приведёт к повышенному риску конфронтации.

Лучшим решением для России и всего мира была бы мирная трансформация путинской системы. Это не значит, что Россия уподобится Западу, то есть станет либеральной демократией по модели Франции или Германии. Скорее, она найдёт собственный путь к переосмыслению себя как мировой державы XXI века, располагающей многочисленными формами влияния. Преобразование может быть

---

65. См., например, комментарии в *Simes D. Putin: Russia's Last Remaining Pragmatist?* // The National Interest. 11 марта 2015. <http://nationalinterest.org>.

постепенным и поэтапным, но оно приведёт к коренному изменению характера государственного устройства России. Вместо подчинения произволу властной вертикали, милитаризму, зависимости от ресурсов и гигантизму, Россия смогла бы утвердить себя в качестве независимого глобального актора, демонстрирующего спокойную уверенность в своих возможностях и своём месте на мировой арене⁶⁶.

Бесспорно, на сегодняшний день крайне сложно представить подобное развитие событий. Но обстоятельства меняются, и даже самые консервативные режимы могут быть подвержены глубинным преобразованиям. Уже сегодня нарастает давление в пользу системных преобразований. К примеру, Дмитрий Тренин полагает, что в ближайшие пять лет режиму придётся выбирать между тремя вариантами: «реформа экономики и ликвидация существующей политико-экономической системы, выбор в пользу массивной экономической мобилизации при доминировании государства, или сохранение существующей системы, с перспективой дальнейшего спада, способного привести к перевороту⁶⁷».

Необходимо всё же реалистично воспринимать ограничения возможных перемен и связь между внутренней реформой и «либеральной» внешней политикой. На Западе принято считать, что демократии по своей природе более миролюбивы, просвещённые и эффективны во внешней политике, чем авторитарные государства. При этом не существует практических доказательств этого предположения. Подобные представления выглядят особенно абсурдными в свете хаоса президентства Трампа и неразберихи в пост-брекзитовской Великобритании. Несомненно, внутренние факторы могут оказывать мощное влияние на внешнюю политику, но они ничего не гарантируют. В конечном счёте, международная политика России зависит от гораздо большего числа переменных, чем одного лишь характера её внутриполитической системы. На неё будут влиять более или менее благоприятные обстоятельства в стране и за рубежом, способность лидеров России осмыслить огромные вызовы, стоящие перед их страной, а также от их политической воли и мужества в принятии трудных решений и сохранении верности им перед лицом испытаний.

---

66. Lo B. Russia and the New World Disorder. Op. cit. С. 243. См. также *Timofeev I. Theses on Russia's Foreign Policy and Global Positioning (2017-2024)*. Op. cit. С. 16.

67. *Trenin D. Looking Out Five Years: Ideological, Geopolitical, and Economic Drivers of Russian Foreign Policy* // Carnegie Moscow Center. 22 августа 2017. <http://carnegie.ru>.

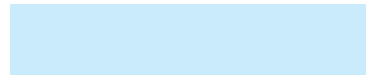
Последние публикации

Russie.Nei.Visions

- [Баев П., «Трансформация антитеррористической политики России: от Чечни до Сирии»](#), Russie.Nei.Visions, № 107, апрель 2018.
- [Равио Ж.-Р., «Путинизм как преторианская система»](#), Russie.Nei.Visions, № 106, март 2018.
- [Файнберг С., «Спецназ, контрактники, волонтеры: российские экспедиционные войска в сирийской операции»](#), Russie.Nei.Visions, № 105, декабрь 2017.
- [Пажон С., «Япония-Россия: пределы стратегического сближения»](#), Russie.Nei.Visions, № 104, октябрь 2017.
- [Суслов М., «"Русский мир": политика России в отношении соотечественников за рубежом»](#), Russie.Nei.Visions, № 103, июль 2017.
- [Марэн А., «Минск-Пекин: возможно ли стратегическое партнёрство?»](#), Russie.Nei.Visions, № 102, июнь 2017.
- [Факон И., «Оборонная реформа Украины: трудности и вызовы»](#), Russie.Nei.Visions, № 101, май 2017.
- [Ло Б., «Россия-Китай-Индия: старые треугольники в новом мировом порядке?»](#), Russie.Nei.Visions, № 100, апрель 2017.
- [Ларюэль М., «Кадыровизм: ислам на службе у Кремля?»](#), Russie.Nei.Visions, № 99, март 2017.
- [Карин Е., «Дилеммы безопасности Центральной Азии»](#), Russie.Nei.Visions, № 98, февраль 2017.
- [Баев П., «Стратегическое влияние России в странах Центральной и Восточной Европы»](#), Russie.Nei.Visions, № 97, ноябрь 2016.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: souin@ifri.org

institut français
des relations
internationales